

Глава 83. Ну и что, что храмовая проститутка? (19)

Наёмник номер два принёс остальным «кошачий наполнитель» и новости о Ли Вэе.

Как Ли Вэй и предполагал, бедуин-инженер принял смесь волчьей крови с песком за Чёрный песок, ту самую вязкую, похожую на нефть чёрную жижу. Наёмник номер два даже тряс его за голову, требуя признать, что это обычная куча «кошачьего дерьма», но инженер всё равно не желал брать свои слова обратно.

С другой стороны, появление «Чистильщика» тоже вызвало бурные обсуждения. Главный вопрос звучал так: а где, собственно, Потусторонний мир? Мы что-то его не видели.

Приходилось признать: люди пока слабо понимают, что такое Потусторонний мир. Им всё кажется: чтобы «попасть» туда, обязательно должно случиться что-то грандиозное, а сам Потусторонний мир обязан разительно отличаться от реальности — будто человек из современности провалился прямиком в Средневековье.

Будь Ли Вэй рядом, он бы только сказал: попопо.

Но его не было, поэтому после долгих споров народ пришёл к выводу: Ли Вэй наверняка ехал на Ближний Восток в свадебное путешествие, по дороге наткнулся на чрезвычайное происшествие и заодно спас мир. Иначе он был бы не федеральным чистильщиком Потустороннего мира, а чистильщиком Потустороннего мира при ООН.

Что ж... тоже сойдёт.

В глазах некоторых людей личность Ли Вэя становилась всё более загадочной, а сам он тем временем без всякой загадочности спешил вперёд. До линии фронта оставалось уже совсем недалеко. Даже в ночной темноте были хорошо видны столбы чёрного дыма, поднимавшиеся вдаль. В воздухе стоял запах палёной стерни, только куда более опасный, чем в деревне во время выжигания полей.

Здесь поиск человека превращался в настоящую техническую задачу. Ли Вэй не мог ходить по улицам, орать имя Дрейтона и расспрашивать всех подряд. Он даже высунуться толком не мог: на крышах, на высотных точках, лежали снайперы и «снимали» людей, а другая сторона в ответ наводила артиллерию с помощью дронов. Стояла глубокая ночь, солнце давно отработало смену, так что боевой задор у всех здесь явно был неподдельный.

— Хочу включить читы, — лежа в яме, Ли Вэй почти миролюбиво обратился к Чёрной свече. — Жертву потом занесу, можно?

— Нельзя, — ответила Чёрная свеча. — Дело не в отсрочке. За тобой сейчас наблюдает та безликая женщина.

Ли Вэй резко обернулся. По коже пробежали мурашки, но никого рядом он не увидел.

— Ты уверена?

— А зачем мне тебе врать? В общем, пока води себя потише. Она, возможно, считает, что я, как еретик, вторглась на её территорию.

Ли Вэю оставалось только просидеть в окопчике ещё почти полчаса, мучаясь каждую секунду. Когда в десяти метрах от него зажигательный снаряд подпалил штору и деревянную дверь, он

больше не выдержал, снял защитные очки, прикинулся беженцем и, пользуясь своей внешностью, примазался к наступающему отряду, чёрт знает какой стороны.

Обычному человеку такое и в голову бы не пришло.

— Ты становишься всё безумнее, — бодро заметила Чёрная свеча. — Не хочешь по дороге прикончить парочку людей?

— Закройся. Эти люди сами не знают, за что воюют.

Война — странное триединство. Во-первых, по своей сути она остаётся первобытным насилием и потому должна рассматриваться как слепой природный порыв. Во-вторых, в ней полно вероятностей и случайностей, из-за чего она становится воплощением некой свободы души. И в-третьих, как подчинённый инструмент политики, она в итоге принадлежит чистому разуму.

Самир аль-Мактум извратил факты перед внешним миром, подмешал в происходящее историю, национальную гордость и конфликт интересов, слепив из себя героя оазиса. Но любой, кто хоть немного запомнил золотые побрякушки у него на руках, в эту сказку не поверил бы.

Бедуины, хоть на них и напали и в этой войне они, возможно, были невиновны, поначалу тоже хотели завладеть Чёрным песком.

Поэтому в этой войне не было ничего возвышенного, ничего, ради чего действительно стоило бы жертвовать собой. Когда люди рассуждают о войне, им кажется, что они понимают её суть. Но когда по обе стороны фронта храбро гибнут живые, кто в силах по-настоящему понять их самих?

Тихо, почти шёпотом, Ли Вэй сказал:

— Я не хочу стать победителем этой войны.

Это была война, которой вообще не должно было быть.

Сняв маску, он поймал одного солдата, отбившегося от остальных, и, удерживая его за плечо, спросил:

— Где Самир аль-Мактум?

Тот вскинул оружие, собираясь нажать на спуск, но едва разглядел Ли Вэя — палец застыл. На него будто обрушилось необъяснимое потрясение. Это был не страх, а скорее притяжение и благоговение, которым трудно подобрать слова... как при встрече с существом за пределами понимания.

«А-а...» — подумала Чёрная свеча. — «Когда мы говорим о храмовых проститутках, мы обычно сильнее замечаем низменную часть этого названия и забываем, что формально их ещё зовут слугами бога».

Теперь слуга бога собирался начать свою проповедь.

Солдат послушно указал направление. Ли Вэй сказал:

— Отведи меня к нему.

— Но...

— Никаких «но». Иди впереди.

Они вышли из укрытия на улицу, полную дыма и копоти. Со стороны всё это совсем не походило на откровение высших богов. Солдат, который показывал дорогу, был безоружен, лицо его выражало одну только растерянность. За ним шёл Ли Вэй, в тускло-сером камуфляже, с пистолетом-пулемётом в руках. Обтрёпанный бинт, обмотанный вокруг запястья, тянулся у него за спиной длинным хвостом.

Скудный предрассветный свет падал на этих двоих и придавал сцене едва заметную святость. Но, как ни посмотри, всё это меньше всего напоминало жертвоприношение или какой-нибудь первобытный половой обряд. Скорее это походило на то, что сейчас поведут расстреливать военнопленного.

— Эй, вы двое, это ещё...

Из дома вырвался гневный рёв офицера, но при виде Ли Вэя голос оборвался. Ли Вэй снял и шлем, отбросил его в сторону и, встав на ровном пустом месте, сказал:

— Я иду к Самире аль-Мактуму. Кто хочет, идите со мной.

Сомнение, замешательство, жажда... на пороге рассвета в воздухе смешалось всё. Немного погодя тот офицер, который первым подал голос и тем самым выдал своё местоположение, изобразил бесстрашие, вышел вперёд и заявил:

— Я разорву тебя на куски.

Так он сказал. Но не сделал ничего. Даже оружие не поднял.

Когда кто-то решился первым, остальные тоже начали выбираться из траншей. Они не понимали, что происходит у них на глазах, и одновременно чувствовали странное возбуждение. Постепенно люди выстроились ровной колонной и пошли к восходящему солнцу, сквозь отблески огня. Они напоминали мертвецов из древних восточных преданий, которых погонщик трупов ведёт домой силой заклинания. Картина была до того неправдоподобной, что многие, окончательно придя в себя, потом либо начисто всё забыли, либо решили: приснилось.

Понемногу это докатилось даже до окраины поля боя. Когда до Дрейтона донеслись голоса снаружи, он сидел под навесом какого-то дома в нескольких километрах оттуда, строчил за компьютером свой «полевой дневник», отвлекая охрану, и заодно, пользуясь выдающимися переговорными навыками, выпрашивал, куда сбежал АЗ.

Но надзор был слишком плотным. Как бы ловко он ни работал языком, взлететь в воздух и кинуться в погоню он всё равно не мог. Это приводило его в необычайное раздражение. Он успел пройтись язвительными метафорами по всем, от Самира аль-Мактума до пролетающих в небе дронов, причём охрана даже не понимала, что её оскорбляют. Пощады избежал только Тоб.

Но и Тоб этой ночью спал плохо.

Грохот выстрелов и орудий так напугал его, что он всю ночь жался к ноге Дрейтона и лаял. Дрейтон по привычке успокаивал его, и каждый раз это срабатывало. Но сегодня утром Тоб снова начал быстро-быстро вилять хвостом и лаять наружу. Дрейтон гладил его по голове, просил вести себя тихо, но Тоб не послушался и без раздумий выбежал за дверь.

— Тоб!

У Дрейтона сердце подпрыгнуло к горлу. Не успев спросить разрешения у охраны, он так и рванул следом, прямо под наведённые стволы... Но пуля его не встретила. Он влетел прямо в солнечный свет. Среди разрушенных руин лежали несколько пустынных ромашек и кустики портулака, их серо-зелёные стебли и листья качались на утреннем ветру. Только в этот миг он осознал, что стрельба уже смолкла. Несколько ребят, которым не было и двадцати, должны были охранять это место, но сейчас все они смотрели в одну сторону, словно в молитве.

И тогда Дрейтон тоже посмотрел туда.

Поначалу он даже не решился узнать сразу.

Утренний свет был ещё слабым, запах пороха в воздухе ещё не рассеялся. Почти у всех лица застыли усталыми и онемевшими. Одежда и пыль слились воедино, раны издали были неразличимы. Вся толпа казалась скопищем серых каменных статуй, готовых рассыпаться в песок от одного порыва ветра. Дрейтону пришлось всматриваться, чтобы понять, кто к какому лагерю принадлежит и чем одно лицо вообще отличается от другого.

И тут он заметил, что кто-то улыбается.

На платформе, сложенной из камней, стоял жёлто-бурый грузовик. Рядом с кузовом, обнимая оружие, стоял человек. Он тоже был весь серый от пыли, как и остальные. В волосах застряла пыль, на лице и теле запеклись бурые следы крови. Даже издалека можно было представить, как от него пахнет пылью и гарью. Но щёки у него горели живым румянцем, он улыбался, а в глазах сияла такая прямая, открытая любовь, будто в пресную бесцветную жизнь ворвался невообразимый ураган.

— Дрейтон!

Ли Вэй, держа на руках отчаянно виляющего хвостом Тоба, с улыбкой махнул ему рукой.

Дрейтон забыл откликнуться.

И дышать тоже забыл.

Он мог понять чувства остальных и осознать, почему они послушно шли за Ли Вэем. Вождением это не было. Скорее это была жажда жизни и самого процесса жить. Представьте: вы стоите в вагоне поезда, который мчится прямо к смерти, и оглушаете себя разговорами о чести и победе. И вот в окне перед вами появляется ясный молодой человек — почти чудо. Вы невольно представляете, как вырываетесь из этой жестокой реальности и входите в тихую, прекрасную жизнь... и тогда, если солнце падает на него, то тем же светом оно будет падать и на вас.

— Дрейтон!

Ли Вэй позвал его ещё раз. Не дождавшись реакции, он подошёл ближе и назвал его по-другому:

— Уильям. Я всё это время искал тебя. Хорошо, что нашёл.

Любовь тоже есть жажда. Ты хочешь через другого человека прикоснуться к жизни, которой никогда не знал, хочешь, постигая её, сделать свою душу более цельной. И поскольку ты так

любишь всё, что этот человек приносит в твою жизнь, ты не можешь вынести ни одной беды, которая могла бы обрушиться на него и отнять его сияние.

Иначе говоря: я хочу, чтобы ты всегда был счастлив, цел и радостен.

Как бы ни сложилось будущее, в этот миг Дрейтон думал именно об этом. Он пошарил рукой в кармане брюк, достал грубовато вырезанную латунную застёжку и вложил её в ладонь Ли Вэя.

На ней было имя Ли Вэя.

Он хотел что-то сказать, но взгляды незнакомцев вокруг и необходимость говорить не на родном языке вызвали у него лёгкую скованность, а может быть, и смущение.

Поэтому, когда Ли Вэй протянул руку и взял латунную застёжку, Дрейтон лишь наклонился ближе и совсем тихо, так, чтобы слышали только они двое, сказал:

— Je t'aime.

<http://bllate.org/book/17014/1725028>